

УДК 39 (=512.31)

DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.112>

Этнополитическое пространство бурятского племени «булагат» в XVI–XVII вв.

С. Б. Болхосоев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Впервые рассмотрен вопрос о формировании булагатского племени и его политического объединения. На основе корреляции устной традиции бурят и результатов расшифровки родовых этнонимов показано образование племенной общности, вызванное действиями ее этнического ядра, представлявшего пришлый монгольский элемент и обозначавшегося как булагаты. Установлено, что эти действия носили военный характер и привели к распаду ранее существовавших общностей, из частей которых булагатами были организованы новые формирования, ставшие их составными компонентами ближнего и дальнего круга. Исходя из этого, доказываем существование этнополитического пространства, созданного под эгидой булагатов в XV–XVI вв. и включавшего многие родоплеменные и этнические группы Предбайкалья.

Ключевые слова: буряты, булагаты, родовые объединения, устная традиция, этнонимия, этимология, этнические группы, вассалы.

Для цитирования: Болхосоев С. Б. Этнополитическое пространство бурятского племени «булагат» в XVI–XVII вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 112–127. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.112>

Введение

В Предбайкалье русские в XVII в. застали сложные межэтнические отношения, которые основывались на принципах подчинения более слабых этносов сильными. Бурятские племена легко одолевали и превращали в своих подданных тунгусские, тюркские и кетские племена по рекам Лена, Илим, Кан и Енисей [История Усть-Ордынского ... , 1995, с. 91]. Однако следует сказать, что и внутри бурятских родоплеменных групп должны были складываться подобные отношения, поскольку они сами представляли разные по этническому происхождению и численности формирования. Этот аспект исследования оставался не тронутым до настоящего времени, поэтому в настоящей статье рассмотрены вопросы, позволяющие раскрыть многие неизвестные стороны ранней истории бурятского этноса, в частности моменты его формирования, социально-политического устройства, межродовых и межплеменных взаимоотношений.

Отметим, что изучение этногенеза и этнической истории бурят, в особенности до XVII в., осложняется отсутствием каких-либо письменных источников. При этом сведения о бурятах в русских документах XVII в. носят крайне отрывочный и событийный характер. Следовательно, единственным

источником, проливающим свет на раннее прошлое бурят, являются фольклорные материалы, сама устная традиция многих родоплеменных групп народа и этнонимия.

Булагаты-тугалакцы и группа родов ближнего окружения

По русским источникам XVII в. самыми многочисленными среди прочих бурятских объединений (ашабагатов, икинатов, шаранутов, хонгодоров, эхиритов и пр.) были булагаты, в то время имевшие обозначение «большие братья». Судя по последнему названию, булагаты были ведущим и доминирующим формированием среди бурятских групп той эпохи. Такого рода иерархическая расстановка между этнолокальными объединениями свидетельствует об их социальном неравенстве, а это указывает на наличие политического образования, имеющего свое территориальное пространство, где одни в военной силе превосходили других, которые в соответствии со степенью своей близости с первыми наделялись от них определенным рангом и местом пребывания. Об этом, например, свидетельствуют фольклорные материалы бурят и расшифровка этнонимии.

Анализируя генеалогические легенды и этнонимы бурятских групп, мы выявили, что многие из них отражают, во-первых, неоднородность племенных формирований, во-вторых, различное социальное положение родоплеменных групп, в-третьих, формирование крупных объединений. Это, в первую очередь, обнаруживается при анализе родовой структуры булагатов. Изучение родословных преданий показывает, что последние сформировались из трех компонентов: 1) племенное ядро, объединение группы родов (алагуй, хурхут, далхай, бурюха, хойхо и саган), имеющее прямое отношение к основателю данной общности – Тугалаку; 2) родовые группы (обогон, готол, энгут, булут, ноет, ашабагат), имеющие косвенное или второстепенное родство с Тугалаком; 3) роды (абаганат, хурумши, шошолок, тэртэ, шаранут, харанут и др.), связанные с отдельными подразделениями тугалакских формирований. Все три части являются отражением не только этнического процесса, но также социально-политического, когда одно формирование, в частности тугалакское ядро, увеличивалось за счет дополнительных компонентов, тем самым усиливалось во влиянии относительно других бурятских объединений и иноэтничных групп, что, в свою очередь, спровоцировало возникновение булагатского этнополитического пространства на широкой территории от Байкала до Енисея (XVI–XVII вв.).

По первому компоненту следует сказать, что он представлял группировку монгольских мигрантов, покорившую в XV–XVI вв. местные племена и народы Предбайкалья. В связи с этим они носили соответствующее название «булгад» – «захватчики» (булагаты) [Болхосоев, 2017, с. 184]. Первыми в их подчинении оказались этнические группы Приангарья, определенные выше как второй компонент булагатского племени. Они в силу своего расселения оказались на пути продвижения захватчиков и в поле их непосредственного влияния, что впоследствии определило высокую плотность их

взаимодействия. В результате данные общности стали ассоциироваться с булагатами-тугалакцами. Но ранее они подверглись нападению последних, применявших в отношении них военные действия, схожие с приемами и методами облавной охоты. Это обусловлено военной культурой того периода [Жамбалова, 1991, с. 91, 109] и выявляется при рассмотрении генеалогических преданий бурят. Например, в легенде о происхождении Обогона, являющегося первопредком родов хогой, онгой, онхотой и др., говорится о том, что его, новорожденного, брошенного своей матерью, дочерью Тугалака, сыновья последнего нашли у корней подснежника (*Ургын узуурһаа олдohon Обогон*) [Балдаев, 2011, с. 138–140, 158]. На наш взгляд, в приведенном фрагменте легенды прослеживается отголосок военной облавы, при которой были «добыты» предки обогоновцев, скрывавшиеся то ли в высокой траве, то ли в лесу. Кроме того, об этом свидетельствует этимология имени предка, которое, по нашему мнению, образовано от корневой основы тюркского (уйгурского, киргизского) происхождения *ов(о)/об* со значением: 1) «дичь» («предмет охоты», «добыча») [Там же, с. 62, 64]; 2) «мелкий» («размельчать», «дробить») [Там же, с. 402], а также бурятского аффикса действия *-гон*, присоединенного к производящей форме при ее переходе на монголызычную почву. В результате образовалась лексема *ов(о)гон/обогон*, имеющая значение «добытый», осмысляемое одновременно как «раздробленный/мелкий» (или «детеныш», соотносимое со значением тюркского слова *ов(о)лак* – мальчик / молодой человек, детеныш косули / козленок / ягненок / молодое животное [Севортян, 1974, с. 404]). Слово употреблялось для обозначения покоренных этнических групп, которые в основе своей были, видимо, тюркского происхождения. Данное обстоятельство, на наш взгляд, также сообщается в вышесказанной легенде через женский образ, инаковость (чужеродность) которого проявляется в противопоставлении к персонажам мужского начала.

Такого же рода фольклорные сведения обнаруживаются и в отношении рода готол. В них, в частности, сообщается о том, что их предок – Готол – является сыном Алагуя (в редких случаях отпрыск Сагана или Тугалака). Это может свидетельствовать о чужеродном происхождении и подчиненном положении предков готолов по отношению к тугалакцам. Отметим, что в легендах и мифах термины кровного родства «отец – сын», «старший брат – младший брат» не означают действительного кровного родства, а отражают социальную иерархию родов [Скрынникова, 1998, с. 118], где первые – доминирующие/сильные, а вторые – зависимые/слабые. Кстати, последнее определение подкрепляется данными преданий. В частности, Готол представлен слабосильным, с большим животом, следовательно, нерасторопным, ограниченным и в то же время боязливым, оттого в случае опасности он мог оставить строй облавщиков и удариться в бегство. За это его называли «снявший унты», т. е. «показывающий пятки». Однако сбежавшего догоняли и возвращали на место [Балдаев, 2011, с. 60]. Полагаем, что данный эпизод отражает факт военных действий тугалакцев, ставших причиной утраты самостоятельности предков готолов. Во всяком случае, зависимое положение

вторых в преданиях выражается через место в сообществе облавщиков: Готол занимает более низкое положение, входит в число загонщиков наравне с подростками, не имеет права голоса на совете охотников и не получает долю из добытой дичи. Такое положение, по материалам М. Н. Хангалова, в обществе облавщиков занимали рабы (*барлаг*), составлявшие низший класс охотников, не имевшие никакого голоса в общем предприятии, представляя собой рабочую силу, которой другие распоряжались бесконтрольно [Хангалов, 2004, с. 61]. Также идея подконтрольности предков готолов проявляется в их прозвище «гуран» [Балдаев, 2011, с. 60], переводимом с бурятского языка как «самец косули». Соответственно, дикое животное прежде всего воспринимается как объект охоты, чем как обозначение добытчика (хищника). В то же время вполне вероятно, что прозвание «гуран» исходило из значения наименования «готол», восходящего, по нашему мнению, к обозначению парнокопытного дикого животного небольшой величины или молодого возраста. Это подтверждается лексическим соответствием из монгольского языка: *хотол* – «молодой лось», «теленоч лося» [Большой академический ... , 2001, с. 110]. Отсюда, возможно, и завуалированное название «гуран».

Добавим, что имя готолов указывает на монгольские корни данной этнической группы, что, в свою очередь, отрицает Б. З. Нанзатов, предлагающий связать этноним и этнические истоки указанной общности с эвенкийским элементом. Вывод ученого сводится к тому, что наименование готолов, образованное от основы *гота* – «рефракционный круг вокруг Солнца» и суффикса *-ла*, выступает в значении «Солнце», а также как имя «Готал», встречающееся у западных эвенков, контактировавших с бурятами в XVII в. [Нанзатов, 2005, с. 40]. Данный тезис в нашем случае теряет какие-либо основания хотя бы потому, что готолы XVIII в. фиксировались в документах Илимского уезда, а затем Идинского ведомства как хотолский род [Долгих, 1953, с. 44–45]. Такую фиксацию считаем неслучайной, поскольку в прошлом в говорах бурят и монголов отмечается в инициале отдельных слов взаимозаменяемость смычного *-з* и щелевого *-х* [Будаев, 1992, с. 53]. Впоследствии первый сохранился в одних наречиях, в других перешел во второй звук. Например, в одном говоре западных бурят употребляют слово «гасуура», а в другом – «хасуура» в значении – «ель» [Там же]. То же самое относится и к названию готолов, бытовавшему в двух вариантах произношения.

Следующим этнонимом, близким по семантическому значению с обозначениями готолов и обогинов, является имя рода энгут (*енгүүд*). На наш взгляд, оно этимологизируется на основе тюркского корня *ен* – «детеныш (животного)» [Севортян, 1974, с. 283] и бурятского аффикса множественности *-гүүд*. В итоге лексема «енгүүд» имеет значение «детеныши» и семантически соотносима с тюркскими словами «еник/енек» или «енке/енги» – «молодое животное», «щеноч», «ребеноч», «младенец» [Там же, с. 282]. И здесь же не исключается общность истока монгольского слова «янгуудай» – «детеныш козули», «козулька» [Большой академический ... , 2001, с. 465]. В целом правомерность нашего анализа подкрепляется фольклорным выражением, употребляемым у бурятского рода, где указывается их происхождение

от предка, рожденного животным: «Ехэ Тэмээһээ гараһан Енгүүд» – «От Большого Верблюда рожденный Енгут» [Мадасон, ф. 18, оп. 1, д. 263, л. 2].

Далее, касаясь наименования рода ноет (*ноёд*), скажем, что оно, скорее всего, является производным от бурятского (монгольского) слова «ноён» – «господин», «начальник» (во множественном числе – «ноёд») [Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 609], в прошлом – «предводитель», «военный вождь». Именно в таком значении в преданиях выступает предок ноетов – Ноён Буура, который вследствие войн в Северной Монголии увел отсюда свое воинственное племя в Предбайкалье. Сначала они поселились в кудинской долине, а позднее переселились в другие места (*Ноён Буура айгаад, ара мон-голдо сэрэг зоноо дахуулан ноёлоод гаража ерээ. Худайн голдо ерээд байгаа. Тэндэ нэгэ хэды байгаад, саашаа нууринаа газар бэдэржэ ябаба*) [Мадасон, ф. 18, п. 1, д. 112, л. 1]. Согласно устной традиции, уход ноетов из кудинской долины был спровоцирован приходом тугалакцев/сагановцев, ставших новыми хозяевами данной территории. Этими же легендами, как мы думаем, объясняется родовое название ноетов как группы, выделившейся в силу указанных причин в отдельное общество. Именно такой смысл, на наш взгляд, заключен в имени ноетов, а не вышеуказанные значения, поскольку сам род, судя по статусу, в булагатском сообществе относился к числу беженцев и подчинившихся (а не господ). Кроме того, добавим, что в прошлом военные предводители – *ноёд*, в отличие от социальных лидеров (глав-старейшин рода и племени), ввиду специфики ратной (или охотничьей) деятельности время от времени со своими дружинами составляли обособленные сообщества с общим обозначением, связанным с именем вождя. И эта особенность, как нам кажется, также имеет отношение к значению имени бурятской группы. Следовательно, имя ноетов включает в себе не прямое значение слова «ноёд» («господа», «начальники»), а употреблялось в переносном смысле как «выступающие», «выделяющиеся», по-другому – «отдельные», «обособленные» и в то же время «соединенные».

В последнем случае мы имеем в виду то, что предки ноетов, как и пращуры вышерассмотренных родовых групп, не избежали пленения тугалакцами. На это указывает наименование первопредка ноетов – Ноён Бууры, которое за исключением первой части фразы с бурятского языка переводится как «верблюд-производитель» [Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 69]. Иначе лексема «ноён буура» понимается как «вожак», что в свою очередь также может осмысляться как «выделяющийся своим видом, размером и мощью». Все это ассоциировалось с этническим объединением (или сообществом) в силу его многочисленности и влияния, что могло соответствовать положению и статусу группировки среди других родов к приходу булагатов, организовавшей сопротивление пришельцам. Но в итоге верх взяли последние и для них проигравшая сторона, как изначально чужеродная, соответственно, стала военной добычей, отражением которой, по нашему мнению, является поговорка «Атан тэмээн эдэтэй Алагуй» – «Кладеный верблюд – еда Алагуй» [Балдаев, 2011, с. 54]. Здесь понятие «кладеный» семантически эквивалентно значению «усмиренный», «подчиненный», т. е. подвластный

алагуевцам-тугалакцам. Данный вывод также согласуется с эпизодом легенды, повествующим о том, что ноенбууровцы, имевшие большого быка, с которым по размеру не могло сравниться ни одно животное в округе, включаются в объединение хулмэнгов (тугалакцев-бурюхаевцев), которые выступили в отношении первых в качестве покровителей и им, как подначальным, определили места кочевков [Небесная дева-лебедь ... , 1992, с. 225].

Такого же рода отношения касались предков рода булут, считающегося частью ноенбууровцев [Балдаев, 1970, с. 171]. Они, как и представленные выше группы, подверглись нападению тугалакцев, которое вынудило их бежать, скрываться, но были найдены и захвачены. Это отразилось, во-первых, в фольклорном выражении «Бутын забааран олодоһон Булут» – «Между кочками обнаруженный Булут» [Малагасаев, ф. 362, оп. 1, д. 11, л. 2–3], во-вторых, в названии рода, которое образовано на основе тюркского *бул* – «находить» / *булу* – «находка», «добыча» / *булун* – «пленный», «пленник» [Севортян, 1978, с. 252–253] и бурятского аффикса множественного числа -*д*. В общем этноним понимается как «добытые» или «пленники».

Также в сферу влияния тугалакцев попадают предки ашабагатов, кочевавшие в XVII в. на западных рубежах бурятского расселения и входившие ранее в состав сэгэнутского сообщества, разгромленного булагатами. Их значительная удаленность расселения и бегство от захватчиков отобразились в фольклоре. Например, в них говорится о погоне Тугалака за непокорной девушкой-сэгэнуткой, которая во время побега рождает ребенка в выбоине, вырытой дикими козами (заметим, что данный образ небольшого животного проявляется и здесь). Обремененное положение не позволяет ей скрыться. Поэтому она с ребенком достается преследователю, который увозит их домой. Происшедшее же выразилось во фразах «С обозом прибывший Ашабагат» (*Ашаанда ерэнэн Ашаабгад*) и «добытый мальчик» (*олзо хубуун*), впоследствии признанный еще одним (седьмым) отпрыском Тугалака и основателем одноименного рода [Цыдендамбаев, 1972, с. 249; Жамцарано, 2011, с. 45]. Таким образом, в легенде отражается эпизод военных действий, во время которых одна сторона, отступая с боями, теряет обозы и женщин, а вторая их захватывает. Иначе говоря, отображается момент, когда предки ашабагатов, ранее являвшиеся частью другой общности, теряют независимость и включаются в булагатское этнополитическое объединение. Причем настойчивость булагатов по расширению своего господства в Приангарье отображается в другой версии изложенного предания, повествующего о том, как увозимый Тугалаком строптивый Ашабагат вынуждает первого разводить костры в 13 местах дороги (*Арбан гурбан газарта гал тулюулһэн Ашабагат*) [Балдаев, 2011, с. 185]. На наш взгляд, числовое обозначение кодирует удаленность мест пребывания ашабагатов и упорство в действиях преследователей, которым для покорения сэгэнутской группы пришлось в дальнем пути много раз устраивать привалы и разводить костры. Этому соответствует семантика имени ашабагатов, восходящая к понятию «зацепленные»/«навьюченные», по-другому – «схваченные».

Полагаем, что объяснением этимологии этнонима выступают как предания, так и его расшифровка. На наш взгляд, он состоит из бурятской основы *аша* – «зацеп, обвив» [Балдаев, 1970, с. 170] (ср. *ашаадаха* – «заплетать ногою ногу противника» (приём в борьбе) [Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 93]), оформившейся при помощи словообразовательного форманта *-ба* [Семенова, 2005, с. 102], аффикса действия *-га(н)* и окончания *-д* в «ашабагад/ашаабагад» в значении «зацепленные» («обвитые», «обвязанные», «завязанные»). Примечательно, что выявленное значение перекликается со смыслом другого обозначения ашабагатов, фиксируемого в родословных преданиях и документах XIX–XX вв. в лексическом варианте *ашахабат* [Балдаев, 1970, с. 188], которое образовано также на основе бурятского слова «ашаха» – «вьючить, навьючивать, грузить...», перен. «облагаться налогом» (ср. *ашаа(н)* – «груз, вьюк, поклажа...» [Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 93–94]), и форманта *-ба* с аффиксом *-д*. Отсюда *ашахабад* – «навьюченные». Словом, в обоих случаях указывается факт зависимого положения этнической группы от основного ядра булагатов.

Таким образом, этнонимы и легенды рассмотренных родов второго булагатского круга определенно говорят о зависимом положении их предков от тугалакцев, не ограничившихся в свое время данным составом вассальных групп и продолживших расширять свое влияние на другие роды и племена Предбайкалья. Об этом, как мы выше определили, свидетельствует третье окружение булагатского объединения.

Средний и дальний круг родов и племен булагатского влияния

Группы этого состава, видимо, проявили большее упорство в противостоянии с тугалакцами, нежели объединения из второго круга. К ним применялись неизбежные в подобной ситуации методы силового давления, что сказалось на их численности и ином характере взаимоотношений, отдалившем союзнические контакты с тугалакцами на долгое время. Соединение произошло позднее, что потом отметила устная традиция. В ней показывается лояльность примкнувших родов к булагатам посредством увязывания генеалогических линий со структурой родового древа отдельных подразделений тугалакских групп. Например, абаганаты, харануты, хурумшинцы встроились в родословную линию батлаевцев/сагановцев [Балдаев, 1970, с. 174, 189, 335], шарануты подключились к олзоевцам/бурюхаевцам [Балдаев, 2011, с. 336], шошолоки, тэртэ, уляаба к хурхутам [Дугаров, 2013, с. 8–9] и т. д.

Но совершенно иной была картина взаимоотношений с булагатами в ранний период истории этих групп. Они представляли крупное и самостоятельное сообщество, известное под названием «сэгэнуты». Бурятские предания сохранили сведения об их многочисленности и воинственности. К примеру, некоторые сэгэнутские формирования, в частности дурлаевцы и нараты, выставляли на облавную охоту до семи и восьми сотен стрелков. Сегодня это малочисленные группы, присутствующие в составе кудинских и балаганских булагатов [Балдаев, 2011, с. 338, 340]. Из этого следует, что

сторонников продолжения конфронтации постигло истребление. Уцелевшие же поступали в распоряжение победителей [Там же, с. 322]. Причем они дробились и рассредоточивались по разным территориям.

Думается, что дробление сэгэнатов булагатами исходило из соображений безопасности и желания исключить их повторное объединение и выступления против тугалакцев. Поэтому они членили сэгэнатские группы по частям, которых распределяли по разным булагатским подразделениям. Например, об этом могут свидетельствовать сведения русских казаков XVII в., отмечавших части ашабагатов и харанутов, кочующих в долинах рек Уда, Ия и Ока, рядом с унгинскими булагатами, а другие их компоненты фиксировались среди булагатов кудинского края [Нанзатов, 2005, с. 98–99]. Словом, данное положение касалось многих других объединений, проявлявших непримиримость к тугалакцам. Можно допустить, что такому воздействию подверглись предки рода тэртэ, у которых была разрушена целостность формирования. Об этом намекает толкование этнонима, образованного, скорее всего, на основе тюркского слова «тыр» – «нечто, связанное с деформацией» («распасться», «разлетаться», «разбиваться вдребезги», «расползаться», а также «низко стелющаяся трава», «низкорослый»). Производными являются, например: «тыртый» – «покоробленный», «обезображенный»; «тыры(й)» – «делаться неровным, косым» [Татаринцев, 2002, с. 320–321]. Следовательно, название «тэртэ», приобретенное в бурятском произношении данную фонетическую/лексическую форму, понимается как «деформированные», «уменьшенные».

Полагаем, что близкое по смыслу значение имеет и этноним «шошолок (шошоолог)», носители которого согласно преданиям бурят происходят от наложницы (*Барлаг һамганһаань гараһан Шошоолог*) [Гунгаров, 1990, с. 49]. Таковыми, как известно, в прошлом становились женщины в случае их пленения во время войн и набегов. Следовательно, шошолоки в своей ранней истории оказались в том же положении, что и род тэртэ. Кстати, первые территориально были близки со вторыми. Не исключаем их общность и единое происхождение. На эти мысли наталкивает расшифровка наименования рода, этимологизируемого на основе тюркских слов «чаш»/«шаш» – 1) «разбрасывать», «рассыпаться», «рассеивать» [Этимологический словарь ... , 2003, с. 232]; 2) «младенческий», «молодой» [Тувинско-русский ... , 1968, с. 225]; и «оолак» – «малыш», «мальчик» [Севортян, 1974, с. 404], «детеныш» [Тувинско-русский ... , 1968, с. 322]. В результате стяжения (и гармонии гласных, что встречается в бурятском языке) они оформились в слово «шошоолог», понимаемое как «кроха»/«дитя».

Подобного рода обозначения обнаруживаются при рассмотрении родословных преданий абаганатов и шаранутов. Например, абаганаты по-другому именуются «бн дүрбэн» – «бубеева четверка» [Балдаев, 1970, с. 189], где первый компонент переводится с бурятского языка как «ребенок» [Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 167]. Шарануты свою генеалогию связывают с внучкой Олзоя (основателя одноименного тугалакского рода), именуемой Өөбөө [Балдаев, 2011, с. 336], что означает «дитя» [Шагдаров,

Черемисов, 2010б, с. 60]. С этим согласуется легенда, рассказывающая о предке шаранутов, попавшем в возрасте младенца в руки людей, обнаруживших его в степи, где он оказался в результате падения с лошади, к которой был приторочен своей матерью во время их бегства [Балдаев, 2011, с. 336].

В этот же ряд следует отнести название рода хурумши, выступающее, на наш взгляд, в значении «мелкие», поскольку в этнониме усматривается тюркская основа *корум/қурат* – «мелкие камни, образующиеся от разрушения скалы» [Этимологический словарь ... , 2000, с. 79] с бурятским формантом множественности и собирательности *-шул/-ша* [Семенова, 2005, с. 14]. Выявленному значению этнонима соответствует предание, повествующее о предке хурумшинцев, рожденном вне брака, в младенческом возрасте оставленном своей матерью возле изгороди и там обнаруженном. С этим соотносится выражение, употребляемое в отношении представителей рода: «хүрээ олодоһон Хурумши» – «возле изгороди найденный Хурумши» [Малагасаев, ф. 362, оп. 1, д. 13, л. 17]. В этом случае не исключено, что в своем значении родовое имя несет в себе еще один смысл – «соединенные», «составные». Основанием данного вывода являются также тюркские слова «кура» – «соединять», «собирать», «курама» – «соединение»; «человек, пришедший к чужому роду»; «составной (из лоскутов)», «сборный» [Этимологический словарь ... , 2000, с. 157–158]. Безусловно, в обоих моментах можно отметить точки соприкосновения, отражающие положение и место предков хурумшинцев в иерархии булагатского этнополитического объединения, которые также, как пращурь шаранутов, булутов, обогоновцев и др., были захвачены в ходе военной облавы, устроенной тугалакцами. Судя по данным эпизодам родословных легенд и этнонимам, указанные группы позволили себя окружить, прижать к скалам, загнать в «изгородь», степь, болото и лес, захватить во время преследования.

Подобное случилось с икинатами и эхиритами, населявшими северные и восточные окраины бурятских кочевий Предбайкалья. На это у икинатов указывает значение этнонима, объясняемое нами как «прикрепленные». Обоснованием нашего анализа является его этимология, восходящая к тюркскому слову «ики» – 1) «двойной», «второй/другой/иной»; 2) «добавлять», «дополнять», «спаривать» [Севортян, 1974, с. 339], и бурятскому аффиксу множественного числа *-над*. У эхиритов, отдельного бурятского племени, об этом свидетельствуют родословные предания и легенды. Но здесь хотелось бы начать наш анализ с рассмотрения этнонима, который имеет общую основу с наименованием икинатов, но значение заключает иное понятие – «двойники» (от «икире» – «близнецы, двойня» [Севортян, 1974, с. 339] и окончания *-д*). Оно, скорее, исходит из родовой структуры эхиритов, изначально представленной четырьмя подразделениями, каждая из которых состояла из двух частей. Например, хэнгэлдэр – хадалай и хамнагадай, шоно – ехэ и бэсэгэн, абзай – ехэ и бэсэгэн, а худаг саган – олзон и баяндай. При этом генеалогические линии всех четырех групп смыкаются на имени *Һэрхэ* (или *Һэрхэн*, *Һэрхэлдэй*, *Һэрхэгтэ*) [Балдаев, 1970, с. 218, 240, 259]. Здесь примечательно то, что имя эхиритского предка с бурятского

языка переводится как «кастрированный козел» [Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 587]. Как указано выше, понятие «кастрированный» и образ животного небольшого размера в контексте иерархической конструкции общества выражают смысл второстепенности группы, подчиненности по отношению к доминантному роду. Таким образом, это может говорить о том, что эхириты в своей ранней истории были вассалами булагатов. Это подтверждается легендой об Ажирае, вожде эхритов (одновременно являющемся в бурятском шаманизме одним из самых почитаемых духов, покровителем воинства, родовых предводителей и силачей), который на облавной охоте, организованной данными племенами в Верхоленье, пребывал среди подrostков [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 340, л. 5]. Такое положение в обществе облавщиков, как уже указывалось выше, занимали прислужники. А это значит, что в прошлом эхириты были в подчинении булагатов, так как даже образ вождя, выступающего наряду с этим в качестве бога-покровителя, в устной традиции племени обозначен низким статусом.

Отметим, что чем ближе жили вассалы к своим господам, тем прочнее была зависимость и регулярнее собиралась дань. Для племен, которые жили в отдалении, сбор дани носил характер набегов. Обязательства между подданными и повелителями были взаимны: первые платили дань и выставляли вспомогательное войско, вторые обеспечивали охрану своих подопечных [История Усть-Ордынского ... , 1995, с. 91]. Поэтому, когда эхириты столкнулись с русскими в XVII в., то они попросили помощи у булагатов, которые численностью в 2000 сабель прибыли для защиты от неприятеля [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 340, л. 44]. Таким образом, к моменту прихода русских эхириты были еще одним (четвертым) компонентом в этнополитическом образовании булагатов и находились в вассальной зависимости от последних.

Что касается хонгодоров, являющихся в настоящее время одним из трех бурятских племен Предбайкалья, то в первой половине XVII в. они составляли небольшую группу, отмеченную совместно с готолами [Сборник документов ... , 1960, с. 90, 93]. Возможно, что в иерархии бурятских групп того времени хонгодоры были на том же уровне и, соответственно, уступали в военно-политическом преимуществе булагатам. Представляется, что в XVI–XVII вв. многие другие роды, не рассмотренные в настоящем исследовании, также признавали силу и влияние бурятского племени «номер один».

Заключение

В целом подчиненное положение этнических групп к доминантному объединению в материалах устной традиции бурят и этнонимии воплощается в таких образах, как младенец, найденый, детеныш животного, беременная женщина, мужчина с большим животом, девушка (часто выступающая дочерью основателя булагатского племени Тугалака или его сыновей и внуков), неторопливое (неуклюжее) животное, а также выражается такими определениями, как маленький/мелкий (т. е. уменьшенный/раздробленный/раскиданный/разбросанный/разорванный/покоробленный/обезображенный/деформированный/разбитый), смиренный, хилый, бессильный, неповоротливый,

ограниченный, пассивный и т. д. В общем, выступают персонажами мало-значущими и малофункциональными, обусловленными одними и теми же объединяющими всех их признаками, маркирующими низкий статус, чужеродность, объект захвата, бастарда. Все это может указывать на то, что покоренные этнические группы оказались в положении вассальной зависимости по отношению к тугалакцам.

С другой стороны, вассалы – осколки прежних этнических и политических общностей Предбайкалья (или Прибайкалья), распавшиеся и потерявшие свою целостность в ходе военных столкновений с булагатами, но в то же время объединенные под их эгидой, образованные в отдельные группировки и распределенные по шести тугалакским родам. В этом случае не исключается существование в прошлом у бурят системы военно-административного деления, которая могла представлять собой эти шесть соединений тугалакцев, включавших в себя группы ближних и дальних вассалов, локализующихся в определенных районах Предбайкалья. По своему этническому происхождению тугалакские данники представляли в большей степени тюрко-монгольские группы и ко времени прихода булагатов, и позднее, сохраняли двуязычие. Об этом свидетельствуют рассмотренные нами этнонимы бурятских родоплеменных групп.

К этому добавим, что данные наименования являлись не первичными названиями, которыми обозначались этнические формирования до прихода булагатов в Предбайкалье, а их вторичными прозваниями, возникшими во времена плотных контактов с тугалакцами, поскольку сомнительно, чтобы все рассмотренные нами группы ранее имели самоназвание, выражающее низкий статус. Многие из них происходили из сэгэнутов, которые до прихода булагатов являлись доминирующим объединением в этом регионе [Балдаев, 1961, с. 76], а это в свою очередь может говорить о бытовании других обозначений, соответствующих положению групп, включавшихся в него. Однако, оказавшись под властью булагатов, они были, как указано выше, раздроблены и сформированы в новые объединения, за которыми закрепились иные названия, полученные в силу указанных причин. Причем по смыслу они согласуются друг с другом, что говорит о закономерности отмеченных соответствий, которая выступает конкретным аргументом, доказывающим реальные факты. К этому добавим, что выявленные значения этнонимов и сведения фольклорных материалов в большей мере согласуются в отражении многих моментов исторического развития этноса, его отдельных формирований и взаимоотношений между ними.

Таким образом, до русской колонизации Предбайкалья, племена и народы, живущие на данной территории, имели определенное политическое устройство. Сложно сказать, было ли оно государственного типа, имелись ли формы общественных институтов, делилось ли на экономические зоны и т. п. Но то, что существовало единое этнополитическое пространство с выстроенной многоступенчатой иерархией этнических групп, видно из нашего исследования. Структурно его можно представить таким образом: первые – булагаты-тугалакцы; вторые – тюрко-монгольские группы, составлявшие

ближний круг тугалакцев; третьи – образования дальнего окружения тугалакцев с теми же этническими компонентами; четвертые – дистанцированные формирования (эхириты и др.); пятые – периферийные этнические объединения эвенкийского, кетского и тюркского происхождения. Все это указывает на наличие образования, где каждая группа наделялась определенным местом пребывания и рангом в соответствии со степенью своей близости с главной группировкой. Не вызывает сомнений и то, что эта конструкция (как система вассальных отношений) образовалась под эгидой тугалакцев/булагатов, создавших в XV–XVII вв. надплеменную социально-политическую организацию, которая стала известной своим соседям под именем «буряты». Но во второй половине XVII в. ослабленное военными столкновениями с русскими данное объединение распалось, при этом его большая часть ушла в Монголию. Тем не менее в конце XVII в. многие, приняв участие в монгольских междоусобицах и не утратив общего единства и имени, вернулись в Предбайкалье, где уже сформировались три общности – булагаты, эхириты и хонгодоры. Следовательно, с XV по XVII в. сложилась основа бурятского этноса в виде этнополитического объединения, и с этим же временем следует связывать истоки формирования многих родовых (родоплеменных) групп предбайкальских и части забайкальских бурят.

Источники

Балдаев С. П. Мифы, легенды и предания ленских бурят. 1916 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 340. Л. 5, 44.

Мадасон И. Н. Ноён Буурын түүхэ // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

Мадасон И. Н. Иркутская область. Осинский район. Бурят-Янгуты (родословная) ураг Баса, Бая, Билдуу, Задай, Енгүүд, Монхлоуд, Охоон, Шоотой и т. д. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 263. Л. 2.

Малагасаев М. Родовые таблицы жителей Шонтойского улуса, генеалогическая линия Нихилея Дараева, представления об урянхайских родах, родах обогонат, готол, шаралдай // Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 362. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–3.

Малагасаев М. Предание о потомках Хоридоя – Нагатай, Натала, потомках Булагата – Бузган, Тугалык и др. О роде Нохой урук и происхождение 6-ти западных родов // Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 362. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.

Список литературы

Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1961. 178 с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1 : Булагаты и эхириты. 366 с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2011. Ч. 1 : Булагаты и эхириты. 376 с.

Болхосоев С. Б. К вопросу об общих истоках происхождения этнонимов «бурят» и «булагат» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 178–197.

Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001. Т. IV: X – Я. 532 с.

- Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск : Наука, 1992. 217 с.
- Гунгаров В. Ш. Бурядай арадай туухэ домогууд (Легенды и предания бурят). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. 176 с.
- Долгих Б. О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Сов. этнография. 1953. № 1. С. 38–63.
- Дугаров Б. С. Присяянье – Хубсугул: Историко-культурные связи и параллели. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 258 с.
- Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск : Наука, 1991. 175 с.
- Жамцарано Ц. Путевые заметки. 1903–1907 гг. / сост. Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Лыскокова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ : Респ. тип., 2011. 264 с.
- История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л. М. Дамешек. М. : Прогресс, 1995. 544 с.
- Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск : Радиан, 2005. 159 с.
- Небесная дева-лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост. И. Е. Тугутов, А. И. Тугутов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. А. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 494 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М. : Наука, 1974. 768 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву Б. М. : Наука, 1978. 349 с.
- Семенова В. И. Личные имена эхиритских бурят. Иркутск : Иркут. ун-т, 2005. 190 с.
- Скрынникова Т. Д. Божества и исполнители обрядов у монголоязычных народов // Сибирь : этносы и культуры (традиционная культура бурят). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 1998. Вып. 3. С. 106–161.
- Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука, 2002. Т. 2 : Д, Ё, И, Й. 388 с.
- Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Сов. энцикл., 1968. 648 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004. Т. 1. 508 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010а. Т. 1 : А–Н. 636 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010б. Т. 2 : О–Я. 708 с.
- Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / авт. слов. ст. Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М. : Индрик, 2000. 259 с.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / авт. слов. ст. Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. М. : Вост. лит., 2003. 446 с.

Ethno-Political Space of the Buryat Tribe “Bulagat” in the 16th–17th Centuries

S. B. Bolkhosoev

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of early ethnic history of Cis-Baikal Buryats, which was the study subject by many scientific research, starting with ethnic and cultural genesis, ending with historical, archaeological and ethnographic aspects. But despite the illumination of this side of the study in the scientific literature, many issues are not addressed to date. In particular, there was no focused study of the history of Buryat tribal communities, the early composition of their tribal structure, the relationship between them and the socio-political system. Therefore, this article deals with this problem, the resolution of which allows to reveal many unknown aspects of the early history of the Buryat ethnic group, in particular, its local component associated with the territory of Cis-Baikal region. This explains the relevance of the study, which for the first time paid attention to the formation of this ethno-local component, especially the Bulagats tribe and its political association, which played an important role in its emergence and formation. On the basis of the correlation of oral traditions, the Cis-Baikal Buryat and the results of decoding the generic ethnonym shows the formation of the tribal community, caused by the actions of its ethnic nucleus, representing the alien Mongol element and named as Bulagats (“invaders”). It is determined that these actions were of a military nature, which led to the disintegration of pre-existing ethnic communities and, of which parts, the Bulagats organized new formations, which became their constituent components of the near and far circle. Accordingly, the newly formed community was structurally divided into three parts and hierarchically into proper levels, which indicates the presence in the past of the Buryats socio-political structure, hence the association. Based on this, the existence of ethno-political space created under the auspices of the Bulagats in 15th–16th centuries and including many tribal and ethnic groups of the Cis-Baikal region is proved.

Keywords: Buryats, Bulagats, tribal associations, oral tradition, ethnonymy, etymology, ethnic groups, vassals.

For citation: Bolkhosoev S. B. Ethno-Political Space of the Buryat Tribe “Bulagat” in the 16th–17th Centuries. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018, Vol. 25, pp. 112–127. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.112> (in Russ.)

References

- Baldaev S. P. *Izbrannoe [Favourites]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1961, 178 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat [Pedigree legends and legends of the Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1970, Part 1: Bulagaty i ekhurity [Bulagats and Ekhirits], 366 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat [Pedigree legends and legends of the buryats]*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2011, Part 1: Bulagaty i ekhurity [Bulagats and Ekhirits], 376 p. (In Russ.)
- Bolkhosoev S. B. K voprosu ob obshchikh istokakh proiskhozhdeniya etnonimov «buryat» i «bulagat» [About the Ethnonyms "Buryat" and "Bulagat": a New Look at the Problem of Origin]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2017, Vol. 21, pp. 178–197. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. *Buryatskie dialekty (opyt diakhronicheskogo issledovaniya) [Buryat dialects (experience of diachronic research)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 217 p. (In Russ.)

Dameshek L. M. (Ed.). *Istoriya Ust-Ordynskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga* [History of Ust-Ordynsky Buryat Autonomous district]. Moscow, Progress Publ., 1995, 544 p. (In Russ.)

Dolgikh B. O. Nekotorye dannye k istorii obrazovaniya buryatskogo naroda [Some data on the history of the Buryat people]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1953, Vol. 1, pp. 38–63. (In Russ.)

Dugarov B. S. *Prisayanie – Khubsugul: Istoriko-kulturnye svyazi i paralleli* [The Prisa-yan – Hovsgol: Historical and cultural connections and parallels]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2013, 258 p. (In Russ.)

Gungarov V. Sh. *Buryadai aradai tuukhe domoguud* (Legendy i predaniya buryat) [Legends and story of Buryat]. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1990, 176 p. (In Buryat; in Russ.)

Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Ulan-Ude, Republican printing house Publ., 2004, Vol. 1, 508 p. (In Russ.)

Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. (Eds.). *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «K»* [Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic bases on the letter "K"]. Moscow, Indrik Publ., 2000, 259 p. (In Russ.)

Levitskaya L. S., Blagova G. F., Dybo A. V., Nasilov D. M., Potseluevskii E. A. (Eds.). *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «L», «M», «N», «P», «S»* [Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic bases on the letter "L", "M", "N", "P", "S"]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, 446 p. (In Russ.)

Nanzatov B. Z. *Etnogenez zapadnykh buryat (VI–XIX vv.)* [Ethnogenesis of Western Buryats (VI–XIX centuries)]. Irkutsk, Radian Publ., 2005, 159 p. (In Russ.)

Pyrbeev G. C. (Ed.). *Bolshoi akademicheskii mongolsko-russkii slovar* [A large academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2001, Vol. 4: Kh – Ya, 532 p. (In Russ.)

Rumyantsev A. N., Okun S. B. (Eds.). *Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek* [Collection of documents on the history of Buryatia. XVII century]. Ulan-Ude, 1960, Vol. 1, 494 p. (In Russ.)

Semenova V. I. *Lichnye imena ekhiritkikh buryat* [Personal names of ekhirit Buryats]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 2005, 190 p. (In Russ.)

Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov: obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 768 p. (In Russ.)

Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov: obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu B* [Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on the letter B]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 349 p. (In Russ.)

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar* [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010a, Vol. 1: A–N, 636 p. (In Buryat; in Russ.)

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar* [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010b, Vol. 2: O–I, 708 p. (In Buryat; in Russ.)

Skrynnikova T. D. Bozhestva i ispolniteli obryadov u mongoloyazychnykh narodov [Deities and performers have rituals of Mongolian peoples]. *Sibir : etnosy i kultury (traditsionnaya kultura buryat)* [Siberia: ethnic groups and cultures (The traditional culture of the Buryats)]. Moscow, Ulan-Ude, ESSACA Publ., 1998, Vol. 3, pp. 106–161. (In Russ.)

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, Vol. 2: D, Yo, I, I. 388 p. (In Russ.)

Tenisheva E. R. (Ed.). *Tuvinsko-russkii slovar [Tuvan-Russian dictionary]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1968, 248 p. (In Russ.)

Tsydendambayev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye [Buryat Historical Chronicles and Pedigrees]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1972, 662 p. (In Russ.)

Tugutov I. E., Tugutov A. I. (Eds.). *Nebesnaya deva lebed: Buryatskie skazki, predaniya i legendy [The celestial virgin of the Swan: the Buryat tales and legends]*. Irkutsk, East-Siberian Book Publ., 1992, 368 p. (In Russ.)

Vanchikova Ts. P., Lyksokova V. Ts., Kulganek I. V. (Eds.). *Zhamtsarano Ts. Putevye zametki. 1903–1907 gg. [Travel notes. 1903–1907]*. Ulan-Ude, Republican printing house, 2011, 264 p. (In Russ.)

Zhambalova S. G. *Traditsionnaya okhota buryat [Traditional hunting of the buryats]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 175 p. (In Russ.)

Болхосоев Станислав Борисович

кандидат исторических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры; Россия, 670031,
г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru

Bolkhosoev Stanislav Borisovich

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, East-Siberian State Institute of
Culture; 1, Tereshkova st., Ulan-Ude,
670031, Russian Federation
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru